

© 1993 г. АЛПАТОВ В.М.

ОБ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОМ И СИСТЕМОЦЕНТРИЧНОМ ПОДХОДАХ К ЯЗЫКУ

Более 10 лет назад мы в статье [1] писали о различии словоцентрического и несловоцентрического подходов к языку. Как отмечалось в этой работе, в лингвистике могут быть выделены два подхода к описанию грамматических единиц. Первый из них, исторически более ранний и более традиционный, базируется на том, что главной и исходной единицей такого описания является слово; другой подход рассматривает слово в ряду других языковых единиц, предпочитает последовательно анализировать ярусы языковой системы, а не начинать анализ с исследования слов и нередко вместо единого слова рассматривает несколько единиц с разными свойствами. В статье подчеркивалось, что несловоцентрические подходы связаны с применением собственно лингвистических критериев, а словоцентрический подход служит целям построения психологически адекватных моделей языка: по-видимому, нормой хранения языковых единиц в человеческом мозгу является именно слово.

Однако, как нам сейчас представляется, сами словоцентризм и несловоцентризм — лишь частный случай более фундаментального различия двух подходов исследователя языка к своему объекту и в какой-то степени различия самих объектов. Эти два подхода мы первоначально предлагали называть "интуитивным" и "исследовательским" [2], но более удачными нам представляются термины "антропоцентричный" и "системоцентричный" подходы, как это было недавно предложено в статье Е.В. Рахилиной [3], чья точка зрения представляется близкой к излагаемой здесь.

Данные подходы в той или иной степени проявляются в самых различных лингвистических концепциях. Мы ограничим наше рассмотрение лишь концепциями, связанными с синхронным анализом языка, отвлекаясь как от диахронных, так и от синтетических (порождающих) исследований.

Антропоцентричный подход исторически первичен и представлен в различных национальных лингвистических традициях: европейской, индийской, арабской, китайской, японской. Идеи европейской традиции продолжали служить базой для синхронных описаний языка вплоть до начала XX в. Позднее этот подход потерял всеобщность, но продолжал сохраняться, безусловно господствуя в практической сфере (учебная литература, практическая лексикография), а в последнее время в какой-то мере расширил свои позиции, особенно в семантических исследованиях (см. [3, с. 51]).

Все традиции формировались на основе наблюдений над каким-то одним языком. Это не всегда был родной язык авторов описаний, на ранних этапах развития традиций это обычно был язык культуры соответствующего ареала: классическая латынь, классический арабский, санскрит, взъньнь в Китае, бунго в Японии. Однако всегда этот язык был хорошо известен и практически нужен исследователю, выступавшему и в качестве его носителя, пусть даже он пользовался этим языком лишь на письме. Задача исследователя в таком случае — осмысление и описание своих представлений носителя языка, часто именуемых лингвистической интуицией. Именно эти представления — исходный пункт анализа, тогда как тексты любого рода играли лишь подчиненную роль,

используясь как источник подтверждающих примеров (прежде всего подтверждающих соответствие авторской интуиции языковым нормам¹).

В таком случае перед исследователем не стоит задача открытия языковой системы, он изначально ею владеет. Например, лингвист — носитель русского языка еще до начала своего исследования знает, что в предложении *Учитель несет большой портфель* четыре слова, а не три или пять, что слова *учитель* и *портфель* относятся к одному и тому же классу слов, несмотря на явные различия в значении, а слова *учитель*, *несет* и *большой* — к трем разным классам, что *ключ* от замка и *ключ* "родник" — разные слова, а *дом* как здание и *дом* как место жительства семьи — одно слово, хотя и в разных значениях, и т.д.² Процедуры членения текста на слова, распределения слов по частям речи, разграничения омонимии и полисемии и т.д. в общем виде при антропоцентричном подходе не нужны, недаром их не было в лингвистике до появления структурализма. Они появлялись лишь в сравнительно периферийных спорных случаях, когда вставал, например, вопрос о том, в каких случаях считать отдельным словом отрицание *не*, к какой части речи отнести слово *надо* или считать ли омонимами птицу *журавля* и колодезный *журавль*. В таких случаях сама лингвистическая интуиция явно не дает четкого ответа, поэтому и лингвисты здесь могут придумывать разные критерии, дающие разный результат. А.И. Смирницкий, рассматривая вопрос о членении текста на слова, предлагал на первом этапе считать словами последовательности, словесный характер которых очевиден, и лишь после этого применять к неясным случаям критерий остаточной выделяемости [4].

В центре внимания исследователя при антропоцентричном подходе находится другая проблема: какие свойства имеют те или иные единицы языка. Уже зная, что в слове *чашка* пять звуков, причем второй и пятый одинаковы, а все остальные разные, исследователь начинает выяснять, по каким признакам *а*, *к*, *ч*, *ш* и т.д. отличаются друг от друга, поэтому еще в античности научились делить звуки на гласные и согласные, позднее появились понятия гласного верхнего подъема, взрывного согласного и т.д. Умея пользоваться некоторым словом, составитель словаря выясняет основные характеристики его значения, отличия от близких по смыслу, но не тождественных слов. Аналогичным образом описывались свойства частей речи, отношения между значениями многозначного слова и т.д.

Такого рода описания кажутся вполне естественными, и их практическая полезность несомненна. В то же время не раз отмечалось, что многое в них не соответствует установившимся к началу XX в. критериям научности. Например, в большом количестве традиционных исследований дается определение слова, однако лингвисты, особенно исходящие из системоцентричного подхода, легко убеждаются, что их нельзя назвать определениями в строгом смысле слова, поскольку "в них не указан такой набор допускающих практическую проверку свойств, по которому мы могли бы однозначно отнести тот или иной встретившийся нам объект к классу слов или неслов" [5, с. 15]. Но, как сказано выше, этот набор при антропоцентричном подходе указывать и не нужно, а с авторами всем хорошо известных попыток описаний свойств слова мы не согласны лишь в том, что они иногда называют такие описания "определениями" слова.

Критики традиционного антропоцентричного подхода отмечают и нередкое несоответствие между привычно выделяемыми свойствами единиц и языковой

¹ Мы несколько идеализируем исследовательскую процедуру. Реально на нее, конечно, помимо собственных представлений исследователя влияет уже существующая традиция.

² Конечно, реальный исследователь пользуется в таких случаях не только интуицией, но и знанием лингвистической традиции, полученным в школе и вузе, причем именно это знание как более эксплицированное может казаться основным. Но психолингвистические опыты показывают, что представления о слове, частях речи и пр. есть и у неграмотных.

реальностью. Например, антропоцентричные "определения" частей речи целиком семантичны, либо хотя бы включают семантический компонент. Любой ученый до эпохи формирования структурализма (может быть, за единственным исключением Варрона, жившего в I в. до н.э.) обязательно находил определяющим для существительного предметное, для прилагательного качественное значение и т.д. Тем не менее достаточно ясно, что не всякое существительное обозначает предмет, что нет четкой семантической грани между качествами и состояниями и т.д. По этому поводу правильно писала Н.Д. Арутюнова: "Традиционная грамматика, верно отражая языковое чутье носителей языка, часто давала ему одностороннее (семантическое) использование. Но из этого не вытекает, что сами принципы систематизации материала были также односторонне семантическими" [6]. Однако такой разноречивостью естествен, поскольку попытка объяснения того, что интуитивно ясно, может и не совпадать с природой вещей. Для носителей языка грамматика почти не осознается и используется автоматически, тогда как семантика гораздо более осознаваема, что проявляется и в отношении частей речи [7].

Но главная трудность антропоцентричного подхода проявилась, когда круг исследуемых языков в новое время начал быстро расширяться. Пока круг учитываемых языков состоял из типологически близких и генетически родственных языков Европы³, выработанный им понятийный аппарат был вполне приемлем. Но описания далеких от европейских по строю "экзотических" языков были слишком явно субъективны и неадекватны. Период так называемых миссионерских грамматик длился около четырех столетий, но значительный прогресс на этом пути так и не был достигнут. Расширение языковой базы и возврат к синхронной лингвистике на грани XIX и XX вв. потребовали иного подхода.

Системоцентричный подход к языковым явлениям сформировался в это время в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра и др. (ср., например, типично процедурный подход к слову в работе [8]); впрочем, в одной специфической области — экспериментальной фонетике — системоцентризм развивался на несколько десятилетий раньше. Позднее он получил развитие в различных направлениях европейского и американского структурализма.

Этот подход "в отличие от антропоцентричного подхода, приближающего лингвистику к психологии и философии, ...пытается сблизить ее с естественными науками в их современном понимании. Согласно этому подходу, язык есть некоторая почти независимо от нас функционирующая система. Лингвист изучает ее законы, носитель языка им подчиняется" [3, с. 50]. Исходный пункт анализа в этом случае — множество устных или письменных текстов. Основным способом исследования становится сопоставление текстового материала, выявление сходств и различий тех или иных отрезков текста, позиционных характеристик, сочетаемости и т.д. В отличие от антропоцентричного подхода здесь важную роль играет строгая формулировка процедур исследования (ср. подробное обсуждение этой проблемы в дескриптивизме и глоссематике при определенных различиях в ее понимании). Дескриптивизм, во многом развившийся в связи с изучением "экзотических", особенно индейских языков, разработал эти процедуры очень тщательно и довел принципы системоцентричного подхода до большой последовательности (о связи дескриптивистских концепций с отказом от наблюдений над собственной психикой см. [9]). Крайнее выражение данные принципы нашли в так называемом дешифровочном подходе, при котором для исследователя не существует ничего, кроме текстов и исследовательских процедур. Дешифровочный подход высветил трудности системоцентризма, о которых мы поговорим ниже.

³ См. набор языков, учитываемых в грамматике Пор-Рояля: активно используется материал романских языков, лишь фрагментарно — древнегреческого и германских и только в отдельных местах упоминаются древнееврейский язык и еще какие-то не названные "восточные".

Как мы уже отмечали, антропоцентризм и системоцентризм различаются прежде всего разным отношением к двум точкам зрения на язык: точке зрения носителя языка и точке зрения исследователя. Любопытно привести мнения на этот счет двух лингвистов, почти современников, но принадлежавших к разным школам и традициям.

А.М. Пешковский в статье [10] разграничивал научную (объективную) и обиходную (нормативную) точки зрения на язык, подчеркивая, что научная точка зрения "диаметрально противоположна обычной, житейско-школьной точке зрения", что научная "точка зрения, для современного лингвиста сама собой подразумеваемая, столь чужда широкой публике". Японский ученый, основоположник известной школы "языкового существования" Токиэда Мотоки писал в 1941 г. о двух позициях по отношению к языку: позиции субъекта и позиции наблюдателя. Позиции субъекта "придерживаются те, кто воспринимает язык как средство выражения мысли и осуществляет свою деятельность в виде формирования идей, произнесения звуков, написания письменных знаков или же, находясь в позиции слушающего, пользуется языком как посредником для понимания идей собеседника, читает письменные знаки, слышит звуки, понимает смысл... Этой платформы мы придерживаемся и тогда, когда выбираем выражения, подходящие для данного собеседника..., отличаем удачные выражения от неудачных, различаем литературный язык и диалекты... Существует и другая, отличная от предыдущей точка зрения, согласно которой язык рассматривается как объект: его наблюдают, анализируют, описывают... Находясь на этой платформе, наблюдатель языка... попадает в положение постороннего, обозревающего языковую деятельность" [11, с. 91—92]. Оба лингвиста отмечают нормативность, оценочность точки зрения носителя языка и объективность точки зрения исследователя.

Токиэда ставил и вопрос о соотношении двух точек зрения. По его мнению, "точка зрения наблюдателя возможна только тогда, когда имеет своей предпосылкой точку зрения субъекта" [11, с. 95]. Токиэда считал, что единственным научным методом является субъективное переживание языка (родного или чужого), а затем наблюдение (интроспекция) над этим переживанием [11, с. 95—97], т.е. совершенно осознанно (в отличие от большинства европейских традиционалистов) отстаивал антропоцентричный подход, вполне справедливо отмечавшийся им в японской лингвистической традиции до ее европеизации. Вся книга Токиэда полемична по отношению к идеям Ф. де Соссюра и Ш. Балли, в которых он также справедливо увидел стремление разграничить точки зрения субъекта и наблюдателя; из этого делался, однако, неверный вывод о том, что соссюровскую концепцию следует отвергнуть.

Антропоцентричный и системоцентричный подходы всегда влияли друг на друга, и не всегда их легко отграничить. С одной стороны, как мы уже отмечали, и при антропоцентричном подходе оказываются нужными исследовательские процедуры для периферийных неясных случаев. С другой стороны, весьма значительно не всегда осознаваемое влияние антропоцентричного подхода на системоцентричный. Это влияние проявляется по-разному.

Наиболее очевидный случай составляет сохранение многих традиционных подходов и решений, особенно тогда, когда речь идет о хорошо описанных языках, и прежде всего о родном языке исследователя. Например, известное определение Л. Блумфилдом слова как минимальной свободной формы требует пересмотреть и традиционное представление об английском слове: артикли и большинство предлогов — явно не свободные формы. Однако везде, где в книге [12] приводится конкретный английский материал, принимается традиционное членение на слова. На это противоречие уже обращал внимание Дж. Гринберг [13].

Однако зависимость от наследия антропоцентричного подхода была гораздо более фундаментальной. Тенденция пользоваться лишь четко определенными понятиями и выделять лишь соответствующие этим определениям единицы и

классы единиц, наблюдавшаяся у некоторых дескриптивистов, не стала преобладающей. Это хорошо видно на примере понятия слова. Даже дескриптивисты несмотря на теоретические декларации обычно не отказывались от выделения этой единицы в описаниях конкретных языков и уделяли много внимания выработке критериев членения текста на слова; еще большее место понятие слова занимало в европейском структурализме. При этом, однако, многочисленные определения слова в рамках системоцентричного подхода имели одно свойство, которое Ю.Д. Апресян в упоминавшейся выше работе характеризовал так: "они не соответствуют по объему тому множеству объектов, которые фактически называются данным термином" [5, с. 15] (примеры несовпадения разных определений слова с традиционными представлениями об этой единице см. [5, с. 12—15]).

Ю.Д. Апресян, в 60-е годы безусловно стоявший на позициях системоцентризма, считал такие определения столь же неточными, как и традиционные "определения" слова, не позволяющие его выделить. Однако, в отличие от традиционных, такие определения могут быть вполне точны и однозначны сами по себе; сомнение вызывает лишь то, насколько их правомерно считать определениями именно слова, а не какой-то другой единицы (тем более что разные определения нередко дают применительно к конкретным языкам разные результаты). Ю.Д. Апресян считал, что работающее и в то же время вполне соответствующее традиции определение слова может быть получено, если только не пытаться его получить на семантической основе. Однако за прошедшие с тех пор четверть века лингвистика явно не приблизилась к решению этой задачи.

Аналогичным образом Ю.Д. Апресян рассуждал в книге 1966 г. и в отношении частей речи. Неконструктивности традиционных "определений" он противопоставлял последовательно морфологический подход, идущий в отечественной науке от Ф.Ф. Фортунатова [5, с. 16—18]⁴. Однако при всей значимости морфологического фактора для обычной системы частей речи последовательно морфологическая классификация лексем даже в русском языке заметно отличается от традиционной, что показал еще Г.О. Винокур [14].

И так оказывается не только с понятиями слова и части речи, но и с фонемой, лексемой, полисемией и многими другими традиционными понятиями⁵. Например, насколько нам известно, не существует универсальной лингвистической процедуры сегментации текста на фонемы (акустические процедуры сегментации речевого потока существуют, но их результаты далеко не всегда совпадают с принятым членением на фонемы). Реально исследователь в основном исходит из представлений о фонемных границах в своем родном языке и отождествляет с ними сегменты исследуемого языка; только в наиболее спорных случаях используются эксплицитные процедуры (ср. подход А.И. Смирницкого к выделению слов). В отношении фонемной парадигматики на первый взгляд ситуация иная: существует вполне системоцентричная теория дифференциальных признаков Р. Якобсона, Г. Фанта и М. Халле. Однако один из ее создателей был вынужден признать, что акустические корреляты некоторых дифференциальных признаков, в частности, резкости-нерезкости, достаточно сомнительны [15]. Этот факт не означает того, что пользоваться теорией дифференциальных признаков не следует, не надо лишь считать ее строго системоцентричной (на что, по-видимому, претендовали ее создатели), она представляет собой лишь попытку максимального отвлечения от антропоцентризма, присутствующего в ней имплицитно.

⁴ Впрочем, уже Варрон подходил к латинским частям речи подобным образом, определяя имена (включая прилагательные) как склоняемые и неспрягаемые слова, глаголы как спрягаемые и несклоняемые, причастия как склоняемые и спрягаемые, наречия как несклоняемые и неспрягаемые. Уже эта система расходилась с традицией: не всякое неизменяемое латинское слово — наречие.

⁵ Не имеет принципиального значения время появления того или иного термина. Эксплицитное понятие лексемы появилось в отечественной науке недавно, но за ним стоит интуитивное представление о границе между варьированием одного слова и различием слов.

В случае фонемной парадигматики построить модель интуитивно осознаваемой единицы относительно легко. Впрочем, и здесь последовательное проведение некоторого принципа часто приводит к интуитивно неправильному решению. Хорошо известно, как много места занимала в выступлениях противников Московской фонологической школы критика положения о *и* и *ы* как вариантах одной фонемы, хотя с позиций этой школы такое решение вполне естественно⁶. Именно здесь ученым этой школы было убедить оппонентов труднее всего, так как интуитивно *и* и *ы* все же ощущаются как разные звуки.

Гораздо труднее оказывается приблизиться к интуитивно осознаваемым единицам и классам единиц в более сложных случаях. В 50—60-е годы очень популярной была идея построения математических моделей фонемы, слова, грамматических категорий и т.д. В отечественной науке она получила наибольшее развитие в работах И.И. Ревзина [16]. При этом чтобы как-то приблизиться к традиционному объему понятия, приходилось использовать очень сложный и изощренный математический аппарат, однако гарантии полного совпадения с традицией все равно не было. Постепенно отношение к формальным (не обязательно даже строго математическим) моделям такого рода понятий стало достаточно скептическим. Показательна статья [17], где разбирается вопрос о моделировании понятия лексемы. При этом убедительно показаны практически непреодолимые трудности, возникающие при попытках выработать собственно лингвистические, не опирающиеся на интуицию критерии выделения этого казалось бы ясного и бесспорного понятия.

Особые трудности системноцентричный подход всегда вызывал в семантике. Недаром в период его полного господства в мировой науке семантика не достигла значительных успехов (как, впрочем, и до того) и лишь обращение к антропоцентризму на новой, более высокой основе дало возможность продвинуться в ее изучении; в констатации этого факта, пожалуй, главный пафос упоминавшейся статьи Е.В. Рахилиной⁷.

Но вопрос об учете лингвистического значения выходит за рамки семантики как особой дисциплины. В том или ином виде семантика присутствует везде, что не всегда учитывали сторонники системноцентричного подхода. Недаром дешифровочный подход, логически наиболее последовательное проявление системноцентризма, потерпел неудачу как общая теория и используется самое большее как вспомогательное средство в некоторых случаях. Исключение значения было тесно связано с попыткой полностью исключить позицию носителя языка. Чисто психологически такое исключение облегчалось в тех случаях (особенно частых у дескриптивистов), когда лингвист не мог даже в минимальной степени считаться носителем исследуемого языка, задавая вопросы двуязычному информанту. Но популярную одно время в США идею о том, что собственные построения лингвиста субъективны, а построения информанта объективны, А. Вежбинка справедливо называет карикатурой на блумфилдианство [18, с. 90]. Она же отмечает, что использование большого числа информантов создает лишь "фантом объективности", тогда как собственная интуиция исследователя может при этом утрачиваться [18, с. 43]. Следует указать также на вывод М. Мамудяна о том, что хотя З.С. Хэррис стремился к объективности анализа и выводил интуицию за пределы лингвистики, реально его концепция фонемы даже больше связана с интуицией, чем многие другие, поскольку прямо основывается на том, что отождествляет и различает информант [19].

Любое лингвистическое описание опирается на интуицию носителя языка, хотя

⁶ Если отвлечься от существования на дальней периферии русского языка слов типа *Ыныкчанский* (поселок в Якутии), *Ыйм* (эстонская фамилия).

⁷ Мы не согласны с Е.В. Рахилиной лишь в одном пункте. Говоря о распространении антропоцентризма на морфологию и другие области вне семантики, она сводит его лишь к "рациональному объяснению" фактов, полученных в рамках системноцентризма [3, с. 51]. Но мы стараемся показать, что и многое другое, начиная от самого подбора фактов, идет от антропоцентризма

носитель языка и исследователь не обязательно одно и то же лицо (несовпадение происходит не только при обращении к информанту, но и тогда, когда лингвист использует мнение предшественников). В этом смысле любое исследование языка глубоко антропоцентрично и казавшаяся в момент появления крайне архаичной точка зрения Токиэда Мотоки имеет под собой основания. Прав он был и в отношении решающего значения интроспекции для лингвиста. Впрочем, в годы, когда это понятие было немодным, о роли интроспекции писал и такой глубокий ученый, как Л. Теньер [20]. Сейчас ее роль подчеркивается многими (см., например, книгу [18]).

И все-таки из всего сказанного не следует, что Токиэда полностью прав, опровергая Ф. де Соссюра, и что системоцентричный подход вообще не существует. Просто не надо понимать последний как нечто совершенно независимое от психолингвистического механизма. Но вполне возможно для определенных целей отвлекаться от антропоцентризма, аналогичные абстракции применяются во многих науках. Попытки обойти антропоцентричные основания лингвистики были логически уязвимы, но они дали и дают большие позитивные результаты. Надо только отдавать себе отчет, на каких этапах анализа мы основываемся на интуиции, а на каких мы используем строгие методы, поддающиеся проверке.

Системоцентричный подход структурализма был шагом вперед по сравнению с антропоцентричным подходом традиционного языкознания уже в том, что такое разграничение, пусть неосознанное, было проведено. Деструктурная лингвистика апеллировала к интуиции (явно или чаще неявно) едва ли не на любом шагу анализа. Но те же дескриптивисты свели обращение к интуиции информанта к строго определенным этапам, в остальных же случаях проводились дистрибуционный или какой-либо иной анализ, поддающийся проверке. Это особенно важно для описания языков, по строю отличных от родного языка исследователя. Как уже говорилось выше, особенности родного или наиболее престижного для лингвиста языка представляют собой "возмущающий фактор", не всегда преодолимый даже в наше время (мы уже не раз отмечали, что русскоязычные японисты склонны находить в японском языке мягкие согласные и падежное словозменение, а англоязычные японисты на месте мягких согласных видят сочетания с йотом, а на месте падежных аффиксов — частицы или послелоги). Но в эпоху миссионерских грамматик этот фактор было нечем корректировать, а системоцентричный подход дал возможность установить какие-то объективные критерии¹. Для развития мировой фонологии большим шагом вперед был отказ от психологизма, выраженный, например, в высказывании Р. Якобсона (1942): "Мы продолжаем разыскивать эквиваленты фонем в сознании говорящего. Как это ни странно, лингвисты, занимающиеся изучением фонемы, больше всего любят подискутировать на тему о способе ее существования. Они, таким образом, бьются над вопросом, ответ на который, естественно, выходит за рамки лингвистики" [21, с. 57]. Такой ответ исключительно важен для лингвистики, в этом смысле подчеркнуто психологичные И.А. Бодуэн де Куртенэ и Е.Д. Поливанов были более правы. Но антипсихологизм Н.Ф. Яковлева, пражцев и Московской школы был необходим: именно на пути системоцентризма была построена детально разработанная универсальная фонологическая теория. Показательно, что тот же Р. Якобсон к концу жизни обратился к психолингвистике и изучению говорящего человека.

Итак, антропоцентричный и системоцентричный подходы реально существуют, хотя, вероятно, точнее было бы говорить о чисто антропоцентрическом и

¹ Интуиция информанта не может дать всей той информации, которую дает интуиция лингвиста — носителя языка, поскольку, во-первых, информанту можно задать лишь ограниченное число вопросов, во-вторых, сами эти вопросы формулируются на основе интуиции самого лингвиста. Еще один корректирующий элемент для описания чужого языка — лингвистическая традиция его носителей, но она существует лишь для немногих языков.

относительно системоцентричном подходах. В этом различии проявляется и относительная самостоятельность языковой системы. Конечно, такая система — абстракция более высокого уровня, чем психолингвистические механизмы людей: это та основа, на которой формируются такие механизмы, более или менее единая для языкового коллектива. Ни язык, ни психолингвистические механизмы не поддаются прямому изучению, хотя о последних можно кое-что сказать на основе анализа афазий и детской речи, позволяющих, в частности, разграничить эти механизмы на отдельные блоки (в случае детской речи не все такие блоки еще сформировались, а в случае афазии часть из них вышла из строя). Однако психолингвистические механизмы могут как-то реконструироваться через интроспекцию, а язык (*langue*, по Соссюру) — через анализ текстов. При этом оба описания обычно понимаются как изучение одного и того же феномена. Однако результаты получаются несколько разными, несмотря даже на то, что эти описания часто перекрещиваются друг с другом. На основе текстового анализа, даже как-то скоррелированного с интуицией, постоянно получают интуитивно неприемлемые или спорные решения, причем их тем больше, чем последовательнее проводятся системные принципы анализа. Тем не менее фонема (по Московской школе), минимальная свободная форма (по Л. Блумфилду), так называемое фонетическое слово и многие другие единицы, выделяемые при системоцентричном анализе, — не фикции и не результат ошибок исследователей; они вполне закономерно вычлениваются при анализе текстов, их реальность может подтверждаться данными диахронии, соответствующие концепции могут обладать предсказательной силой и т.д. В этом проявляется автономность языка. Однако функция этих единиц (по крайней мере, многих из них) в лингвистическом описании двойка: они — и отражение некоторых текстовых закономерностей, и модели единиц, известных через интроспекцию. Сказанное о языковых единицах относится и к выделяемым классам этих единиц. Язык автономен от индивидуальных психолингвистических механизмов, но не независим от них, поэтому практически любое системоцентричное описание проверяется данными языковой интуиции⁹. При антропоцентричном подходе, наоборот, интроспективные данные проверяются текстовыми, которые часто лишь подтверждают их (в частности, свидетельствуют об их соответствии норме), но могут и корректировать, особенно если лингвист описывает не родной язык.

Различая два способа описания, надо четко различать предъявляемые к ним требования. Если лингвист описывает язык как объект, отделенный от него, встают требования, строго необходимые для любого научного исследования. Они были сформулированы в виде известных критериев непротиворечивости, простоты и полноты. Нарушение этих критериев вполне правомерно считается недостатком описания. Отметим, что часто в качестве критерия простоты на деле используется соответствие традиционным и в конечном итоге интуитивным представлениям¹⁰.

Между тем в традиционных описаниях эти требования нередко не выполняются, прежде всего это относится к критериям непротиворечивости и полноты. Это не раз служило предметом критики со стороны структуралистов. Однако при этом не раз оказывалось, что такие описания при казавшемся бы явном недостатке могут лучше соответствовать интуиции, чем логически более последовательные.

Интересна в этой связи попытка защитить традиционный подход, пусть не вполне эксплицированная. Мы имеем в виду известную статью Л.В. Щербы "О частях речи в русском языке" [22]. В ней сказано: «Самое различие

⁹ Интуиции носителя языка (в том числе информанта) или интуиции носителя другого языка, как в случае миссионерских грамматик. В последнем случае описание может оказаться и реально оказывается очень неадекватным.

¹⁰ Эти два понятия нельзя считать абсолютно равнозначными, поскольку традиция может отражать и интуицию прежних поколений, реально изменившуюся в связи с изменениями в языке.

"частей речи" едва ли можно считать результатом "научной" классификации слов» [22, с. 63]; «В вопросе о "частях речи" исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-нибудь ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настоятельно навязывается самой языковой системой» [22, с. 64]. Л.В. Щерба не отрицал ни семантические, ни морфологические, ни синтаксические критерии для выделения частей речи, но все они для него — лишь опознавательные знаки для восприятия классов, существующих независимо от всех этих свойств.

Л.В. Щерба использовал расплывчатую формулировку "навязываются самой языковой системой", с которой легко спорить: предлагаемые теми или иными лингвистами классификации по частям речи не произвольны, а так или иначе отражают какие-то (не обязательно те же самые) свойства языковой системы, извлекаемые из анализа текстов. Однако все встает на свое место, если под "навязыванием" понимать влияние психолингвистического механизма: носители языка ощущают неоднородность слов, хранящихся в их памяти, и опознают эти единицы как принадлежащие к тем или иным группам. Такой вывод не был сделан самим Л.В. Щербой, писавшим свою статью в годы, когда психологизм был не в моде, но позже он делался некоторыми языковедами [23].

Показательны конкретные выводы, делаемые Л.В. Щербой из своего подхода. В его статье, где в основном сохраняется традиционная система частей речи, признается, что в некоторых случаях одно и то же слово может быть отнесено к нескольким классам, а какие-то слова — остаться вне классификации [22, с. 66]. Этим он осознанно противопоставлял свою классификацию научной, где пересечение классов и наличие остатка — явные пороки. Но если понимать систему частей речи как психолингвистическую, а не как собственно лингвистическую, то подход Л.В. Щербы более адекватен: носитель языка хорошо осознает классную принадлежность ядерной лексики и может испытывать трудности в отношении периферийных единиц, а также единиц с уникальными свойствами. Ясным с этой точки зрения становится и отмеченное выше несоответствие между свойствами традиционных частей речи и их "определениями": для носителей языка осознается в первую очередь лексическая семантика ядерной части данного класса слов (например, предметность для существительных), не всегда свойственная классу в целом. Такие особенности психолингвистического механизма подтверждаются изучением афазий [24].

Отметим и другие случаи, когда системноцентричный подход дает большую четкость по сравнению с антропоцентричным. При этом подходе естественно членить текст на те или иные единицы, но крайней мере, на основные единицы, без остатка. Но известно, что традиционная лингвистика, соблюдая это требование в отношении слов, не следует ему в отношении морфем. По мнению многих языковедов, например, в слове *пастух* *пас-* — морфема, а *-тук* — нет [25], в слове *малина* есть и морфема *малин-* и морфема *-ин-* [26]. С позиций системноцентризма такие трактовки многократно и убедительно опровергались, но, по-видимому, для носителей языка именно так дело и обстоит, что показывает явление народной этимологии. Когда *пиджак* превращается в *спинжак* и даже *цейхгауз* в *чихауз*, то ясно, что носителю языка важны лишь ассоциативные отношения между словами, часть слова (*спин-*, *чих-*) получает некоторое значение или хотя бы квазизначение, а остаток (*-жак*, *-ауз*) ничего не значит и не вычленяется как единица; то же, видимо, происходит и с естественно развивавшимися словами типа *любовь*, *пастух*. По существу именно это имел в виду В.В. Виноградов (избегавший, как и Л.В. Щерба, прямого обращения к психолингвистике), когда писал: "При абстрактно морфологическом подходе, без учета семантических связей слов, без учета лексических соотношений разных словесных рядов получалась механическая кройка морфем. Например, выделялись как варианты одной и той же основы *хот'* и *охот* в словах *хотеть* и *охота*;

смерть, мертв в словах *смерть* и *мертвый*; -зволить и -волить в словах *позволить*, *дозволить*, *изволить*, *приневолить* и т.д.; отыскивались суффиксы -зи и -зи в словах *буржуазия* и *буржуазный* — по сравнению с *буржуа*; суффикс -овь в слове *любовь*, -лина в слове *напраслина* и т.п." [27]. Почти во всех этих примерах "учет семантических связей слов" как раз приводит к тем трактовкам, которые отвергал В.В. Виноградов, трудно согласиться и с его обвинением в "антиисторичности" такого членения. При следовании принципам морфемного анализа, разработанным в рамках системоцентричного подхода, это членение правомерно и часто даже неизбежно. Но с точки зрения интуиции носителя русского языка (в том числе интуиции автора статьи) эти членения действительно кажутся "механическими".

Несоответствие морфемного анализа интуиции проявляется еще в одном случае. Этот анализ требует считать, что лексическое значение словоформы содержится в ее основе, а грамматическое — в аффиксах. Однако в европейской традиции исторически первичен другой подход, согласно которому слово нечленимо на значимые части, а все компоненты значения присущи слову в целом. Такая трактовка, известная по античным грамматикам, явно не соответствует критерию полноты (не выделяются морфемы), но хотя бы соответствует критерию непротиворечивости. Но в более новых работах можно встретить и безусловно противоречивую контаминацию обоих подходов, когда в одной и той же книге то признается существование основы и аффиксов с определенными значениями [28, с. 18], то значение, например, единственного или множественного числа приписывается не окончанию, а слову в целом [28, с. 113]. Надо сказать, что такое противоречие не кажется интуитивно неприемлемым, поскольку в нем отражается противоречие в самом сознании носителя языка: при обычном пользовании языком слово выступает как нечто цельное и нечленимое, но при рефлексии, наблюдении говорящего над своим языком слово может члениться (не обязательно нацело), в том числе на основу и аффиксы. Осознание членимости слова проявляется и при образовании новых слов.

При системоцентричном подходе принят и принцип разделения уровней, когда целое не может рассматриваться на одном уровне со своими частями. Как в физике недопустимо выделять молекулы, состоящие из молекул, так и в системоцентричном описании слова не могут состоять из слов. Но в антропоцентричных описаниях, начиная с античности, именно так описывается словосложение, да и производное слово нередко понимается как результат присоединения деривационного аффикса не к основе, а к производящему слову (ср. высказывание о том, что словообразование — "всегда образование одного слова от другого" [29]). Такой подход приводит к ряду трудностей в описании, но он, по-видимому, более соответствует интуиции, чем системоцентричный способ описания, разграничивающий производящее слово и производящую основу: для носителя языка в первую очередь существуют слова, а не операции над ними.

В области лексической семантики и лексикографии различие подходов видно, если сопоставить толкования слов в традиционных словарях и в научных словарях типа толково-комбинаторного словаря, статьи которого разрабатывались И.А. Мельчуком и его последователями. В традиционных словарях весьма часто слово толкуется через его синонимы, нередко так называемые порочные круги, когда каждое из двух слов используется в толковании друг друга. В научных словарях предпринимаются попытки описывать значения лексем на основе строгих принципов, выделяя первичные неопределяемые понятия и используя в толкованиях лишь более элементарные, чем значение данной единицы, компоненты; круг в таких толкованиях сознательно исключается. Последний подход в целом вряд ли соответствует интуиции: в памяти носителей языка скорее всего не существует ничего, кроме слов и ассоциативных связей между ними. Поэтому в словаре, рассчитанном на практическое использование носителями данного языка, достаточно указать на вхождение слова в то или иное

семантическое поле и различие в значении слов, имеющих семантическое сходство.

Различие двух подходов в лексикографии иногда трактуется с точки зрения превосходства традиционного (антропоцентричного) подхода в связи с преимуществами "здорового смысла" над "научностью" [30]; ср. идеи Л.В. Щербы о частях речи. Однако перспективнее оказывается попытка совместить два подхода и осознанно ввести в научный словарь антропоцентричный компонент, получившая четкое выражение в книге [18].

При этом, однако, встает вопрос: насколько совместимы в такого рода описании антропоцентричный и системоцентричный подходы? Разработка словарных дефиниций с помощью интроспекции, которую осуществляет А. Вежбицка, тем не менее производится в рамках требований, предъявляемых к научному исследованию системоцентричным подходом. Но не происходит ли при этом структурирование нечеткого психолингвистического механизма и введение жестких границ там, где их в действительности нет? Мы затрудняемся ответить на вопрос. Заметим лишь, что А. Вежбицка придает гораздо меньше значения требованию единообразного разложения смысла слов на элементарные компоненты, чем создатели толково-комбинаторного словаря.

Итак, к описанию языковой системы можно идти от интуиции носителя языка, проверяя ее в случае необходимости текстами, и от текстов, проверяя их данные интуицией. Результаты, как мы постарались показать, очень часто оказываются разными настолько, что трудно говорить об их соизмеримости. При этом каждый подход имеет свои плюсы и минусы. Антропоцентричный подход позволяет построить психологически адекватные описания, однако он дает принципиально не допускающие процедур проверки результаты (если отвлечься от пока еще весьма ограниченных возможностей проверки в нейролингвистике), а его применение к языкам, далеким по строю от родного языка лингвиста, приводит к неадекватным результатам; антропоцентричные описания, выполненные в рамках разных лингвистических традиций, весьма трудно сопоставлять. Системоцентричный подход, наоборот, позволяет получить "работающие", сопоставимые и формализуемые описания, но они могут оказаться психологически неадекватными, т.е. искаженно представляющими реальный психолингвистический механизм. Исследователю в этом случае приходится проходить между Сциллой логически безупречного, но интуитивно неприемлемого решения и Харибдой более соответствующей интуиции, но значительно усложняющей описание, а то и противоречивой трактовки.

Два подхода не отрицают, а дополняют друг друга, используя для разных целей. Как отмечает А. Вежбицка, носители языка, вероятно, не нуждаются в дефинициях интуитивно им известных языковых единиц, но дефиниции — единственный способ объяснить сущность этих единиц иностранцу, особенно принадлежащему к иной культуре [18, с. 4—5]. Для целей, например, типологии системоцентричный подход необходим, лишь на его основе можно отграничить общелингвистические закономерности от типологических особенностей языка исследователя или группы языков, сходных с ним; недаром избавление лингвистического описания от европоцентризма началось лишь в структурализме. Но для обучения родному языку, практической лексикографии необходим антропоцентричный подход, недаром лингвистика XX в. так плохо проникает в школьное преподавание, особенно родного языка. Говоря о двух подходах, мы имеем дело с проявлением фундаментального принципа дополнительности, на важность учета которого для лингвистики указывал Р. Якобсон [21, с. 374, 404]. При этом, безусловно, как уже говорилось выше, оба подхода не могут не учитывать совсем языковую интуицию, только делается это в различной степени и по-разному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алатов В.М. О двух подходах к выделению единиц языка // ВЯ, 1982. № 6.
2. Alpatov V. On intuitive and research approaches to the language studies // 8 International Congress of logic, methodology and philosophy of science, Abstracts of papers. М., 1987.
3. Рахилина Е.В. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность / Отв. ред. Фрумкина Р.М. М., 1989.
4. Смирницкий А.Н. К вопросу о слове (проблема "отдельности слова") // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952. С. 188—197.
5. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
6. Арутюнова Н.Д. Дескриптивизм // Основные направления структурализма. М., 1964. С. 270.
7. Леонтьев А.А. Фиктивность "семантического критерия" при определении частей речи // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1965. С. 34.
8. Бодуэн де Куртене И.А. Язык и языки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 81. СПб., 1904.
9. Фрумкина Р.М. Предисловие // Психолингвистика. М., 1984.
10. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точки зрения на язык // Русский язык в школе. Вып. 1. М., 1923.
11. Токида Мотоки. Основы японского языкознания // Языкознание в Японии / Отв. ред. Нардун И.Ф. М., 1983.
12. Блаумфилд Л. Язык. М., 1968.
13. Greenberg J.H. Essays in Linguistics. Chicago, 1957. P. 28.
14. Винокур Г.О. Форма слова и части речи в русском языке // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
15. Фант Г. Акустическая теория речеобразования. М., 1965. С. 214—216.
16. Реезин И.Н. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.
17. Крылов С.А. Некоторые уточнения к определениям понятий словоформы и лексемы // Семиотика и информатика. Вып. 19. М., 1982.
18. Witgalska A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.
19. Мамудян М. Лингвистика. М., 1985. С. 88.
20. Теннер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988. С. 48—49, 52.
21. Яковсон Р. Избр. раб. М., 1985.
22. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избр. раб. по русскому языку. М., 1957.
23. Супрун А.Е. Грамматические свойства слов и части речи // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1965. С. 17.
24. Лурия А.Р. О патологии грамматических операций // Известия АПН РСФСР. 1946. Вып. 3. С. 71—74.
25. Крылов Н.А. Несколько замечаний об интерференции // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина 1969 № 341. С. 155.
26. Панов М.В. О наложении морфем // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, 1969. № 341. С. 275.
27. Виноградов В.В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952. С. 131—132.
28. Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952.
29. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
30. Правдин М.Н. Словарное толкование, научность и здравый смысл // ВЯ. 1983. № 6.